

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81:42

doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-103-109

РОЛЬ ВОЕННОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА О СВО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

© *Инна Александровна Зеленина*¹, *Альфия Александровна Салхенова*²

^{1, 2}*Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва, Россия*

¹*inna.zelenina25@gmail.com* ²*astralfrancais@gmail.com*

Аннотация. Представлен сравнительный анализ военной метафоры в российских и франкоязычных медиатекстах в контексте формирования дискурса о СВО. Методология исследования базируется на когнитивно-дискурсивном и прагмалингвистическом подходах. Выявлено, что в российском медиапространстве военная метафора формирует целостный дискурсивный каркас, выполняющий легитимирующую и мобилизующую функции на всех уровнях – от официального дискурса до блогосферы. Во франкоязычных СМИ военные метафоры конструируют нарратив, направленный на демонизацию России, гуманитаризацию Украины и легитимацию поддержки Запада. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод об универсальности военной метафоры как инструмента идеологического воздействия, чьи прагматические функции адаптируются под конкретные политические и коммуникативные задачи.

Ключевые слова: военная метафора, медиадискурс, специальная военная операция, прагмалингвистический анализ, идеологическое воздействие.

Для цитирования: Зеленина И.А., Салхенова А.А. Роль военной метафоры в формировании дискурса о СВО (на материале русскоязычной и франкоязычной прессы) // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 114. № 1. С. 103-109. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-103-109

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The role of the military metaphor in the special military operation discourse formation (based on the material of the Russian and French press)

© *Inna A. Zelenina*¹, *Alfiya A. Salkhenova*²

^{1, 2}*Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation*

¹*inna.zelenina25@gmail.com* ²*astralfrancais@gmail.com*

Abstract. A comparative analysis of the military metaphor in Russian and French-language media texts is presented in the context of the formation of a discourse about the military. The research methodology is based on cognitive-discursive and pragmatic-linguistic approaches. It is revealed that in the Russian media space, the military metaphor forms a solid discursive framework that performs legitimizing and mobilizing functions at all levels – from official discourse to the blogosphere. In the French-language media, military metaphors construct a narrative aimed at demonizing Russia, humanizing Ukraine, and legitimizing Western support. A comparative analysis allows us to conclude that the military metaphor is universal as an instrument of ideological influence, whose pragmatic functions are adapted to specific political and communicative tasks.

Key words: military metaphor, media discourse, special military operation, pragmalinguistic analysis, ideological influence.

For citation: Zelenina I.A., Salkhenova A.A. The role of the military metaphor in the special military operation discourse formation (based on the material of the Russian and French press). *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 114. No 1. P. 103-109. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-103-109

Введение

Современный медиадискурс представляет собой не просто источник информации, но и мощный инструмент формирования общественного сознания, особенно в ситуации военных

конфликтов и политических кризисов. Военная метафора выступает базовым когнитивно-дискурсивным механизмом, который упрощает восприятие сложных социальных процессов, способствует мобилизации общества, легитимирует действия власти и формирует двоичные оппозиции «мы – они», «герои – враги».

Целью статьи является анализ применения военной метафоры в медиадискурсе, посвящённом специальной военной операции в российском и западном медиапространствах, а также раскрытие её прагматических функций и выявление различий в коммуникационных стратегиях сторон. *В задачи исследования* входят: рассмотрение ключевых теоретических подходов к анализу метафор, идентификация основных типов военной метафоры в медиатекстах, сравнительный анализ российской и западной медиариторики и выявление прагматических целей использования военных образов.

В исследовании применяется когнитивно-дискурсивный и прагматический подходы к анализу медиатекста. Основным источником данных явились тексты официальных российских СМИ (Известия, ТАСС) и франкоязычных изданий (Le Figaro, Le Monde) за период 2022–2025 гг.

Методы включают контент-анализ, корпусный анализ ключевых военных метафор и их семантический и прагматический разбор. Особое внимание уделяется контекстуальному употреблению метафорических выражений, функциям влияния на общественное мнение, мобилизации, легитимации действий участников конфликта.

Обсуждение

Теоретические основы военной метафоры

С середины XX в. в лингвистике произошла фундаментальная трансформация в понимании метафоры, инициированная становлением когнитивной науки (когнитивизма). В отличие от предшествующих воззрений, рассматривавших метафору как сугубо языковое украшение или риторический прием, когнитивный подход провозгласил ее базовым механизмом человеческого мышления и познания. Когнитивизм, наука о закономерностях получения, хранения и обработки знаний, сместил фокус с формы высказывания на ментальные процессы, стоящие за ней [4, с. 6].

Когнитивная лингвистика возникла на стыке когнитивной науки и языкознания, призвавшего язык фундаментальным инструментом фиксации, структурирования и передачи человеческого опыта. В рамках этой междисциплинарной парадигмы она тесно интегрирована с когнитивной психологией, философией сознания и антропологией, поскольку изучает, как язык отражает и формирует ментальные репрезентации мира. Центральной категорией этой науки становится знание, а ее ключевой проблемой – исследование разнообразных типов знаний (концептуальных, категориальных, культурных) и механизмов их языкового воплощения. Таким образом, когнитивная лингвистика изучает не язык как автономную систему, а его роль в процессах познания [4, с. 8].

В этой парадигме метафора была переосмыслена как ключевой инструмент структурирования нашего опыта и концептуализации абстрактных понятий. Она позволяет осмыслить сложные и неосозаемые явления (время, жизнь) через более конкретные и физически ощутимые области («время – деньги», «жизнь – путешествие»). Таким образом, метафора становится неотъемлемой частью нашей когнитивной системы и определяет то, как мы воспринимаем, осмысляем и описываем окружающий мир в повседневной деятельности [7].

Военная метафора, согласно когнитивной лингвистике Лакоффа и Джонсона, представляет собой перенос понятий из сферы военных действий на политические и социальные явления. Метафоры не являются лишь украшением речи или стилистическим приемом, а представляют собой базовые когнитивные инструменты, которые мы используем для осмысления мира вокруг нас. Метафоры пронизывают не только язык, но и мышление и поведение человека, которое, по мнению американских ученых, метафорично само по себе [10, с. 6].

В частности, военная метафора переносит понятия и образы, связанные с войной – фронт, бои, атаки, защита, враг, победа, поражение – в сферы политики, международных от-

ношений, экономики и социальной жизни. Этот перенос является не просто языковым феноменом, но отражает глубинный способ структурирования социально-политического опыта.

Такое метафорическое мышление упрощает восприятие сложных и абстрактных явлений, преобразуя их в понятные схемы борьбы, конфликта, противостояния. Например, политические споры и дебаты становятся «боем» или «битвой», экономические санкции воспринимаются как «оружие», а информационная активность – как «информационный фронт». Это способствует созданию чётких бинарных оппозиций и помогает потребителям информации лучше ориентироваться в социально-политическом пространстве, выделяя «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов».

Когнитивно-дискурсивный подход (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, А.П. Чудинов) рассматривает метафору не только как ментальную модель, но и как элемент социально обусловленного дискурса, взаимодействия, влияющего на общественное сознание и коллективное восприятие события. Военная метафора в СМИ – это инструмент воздействия: она формирует восприятие событий и общественное мнение. Её анализ требует учёта прагматики, а именно, цели говорящего и контекста. Таким образом, метафора предстаёт как единство когнитивной модели и инструмента убеждения или манипуляции в социальной практике.

С точки зрения прагмалингвистики, военная метафора рассматривается не только как языковое средство описания, но и как инструмент речевого действия, направленный на достижение конкретных коммуникативных целей в политическом и общественном дискурсе, как речевой акт с разнообразными функциями – она мобилизует, оправдывает действия субъектов, формирует патриотические настроения и легитимирует применение силы [6, с. 151]. В условиях конфликта такая метафоризация реальности помогает консолидировать общество и создаёт у граждан ощущение общей борьбы за выживание и справедливость.

Метафора может выступать инструментом убеждения и навязывания определенного мнения. Например, описание экономической конкуренции как «торговой войны» или «борьбы за рынки» переводит её из плоскости взаимовыгодного (хоть и сопернического) сотрудничества в плоскость конфликта, где оппонент – «враг», а цель – не просто победа, а «уничтожение» или «капитуляция», что меняет восприятие реальности.

Военная метафора может служить инструментом оправдания в тех случаях, когда прямые агрессивные действия могут быть социально неприемлемыми в мирном контексте. «Нанести удар по конкурентам», «захватить плацдарм», «разработать оружие против вируса» – эти выражения делают агрессию нормальной и даже необходимой в рамках обьявленной «войны».

Анализ современного российского медиапространства выявляет системное и многоуровневое использование военной метафоры, которая функционирует не как случайное риторическое украшение, а как целостный дискурсивный каркас. Этот каркас служит для конструирования единого и связного нарратива, пронизывающего все сегменты информационного поля – от официальных правительственных заявлений до неформальной блогосферы. Такой подход позволяет говорить не о разрозненных примерах, а о создании устойчивой «метафорической экосистемы», где каждый элемент усиливает и легитимирует другой, формируя у аудитории ощущение непрекращающегося тотального противостояния.

На высшем уровне государственной риторики военная метафора выполняет, прежде всего, легитимирующую и тотализирующую функцию. Её цель – придать конфликту всеобъемлющий, экзистенциальный характер, выходящий за рамки собственно боевых действий.

Концепт «информационного фронта», используемый пресс-секретарем президента РФ Дмитрием Песковым, является ключевым. Он выполняет двойную задачу: во-первых, он стирает границы между военным и гражданским. Если существует «фронт», то вся страна становится «тылом», а любая деятельность – частью военных усилий. При этом он разграничивает понятия СВО и война: «СВО – это одно, а то, что происходит вокруг России – это война» [3], что позво-

ляет легитимизировать жесткие меры в информационной сфере (цензуру, борьбу с инакомыслием), представляя их как необходимую «оборону» от «варварской атаки»: «Президент России Владимир Путин выслушал доклады и.о. главы МЧС Александра Куренкова и главы региона Вячеслава Гладкова в связи с «*варварской атакой*» киевского режима по Белгороду, даны все необходимые поручения, заявил пресс-секретарь президента Дмитрий Песков [8].

«Москва знает, кто является заказчиком теракта в отношении Кириллова, *борьба с этим нацистским режимом продолжится*» [5], – заявляет пресс-секретарь президента РФ, не оставляя ни тени сомнения в том, что: «...то, что происходит вокруг России, – это война, которую российская сторона должна выиграть [3].

Образы «обоюдоострого оружия» в контексте санкций служат для эмоциональной и концептуальной эскалации. Дмитрий Песков говорит об этом в мае 2022 г.: «Санкции стран Запада против РФ являются *«обоюдоострым оружием»*, их стоимость для жителей этих государств будет увеличиваться каждый день» [2] и в январе 2025: «Санкции ЕС против РФ – *обоюдоострое оружие*, от них страдают и европейцы, что понимает все больше людей» [1]. Такая метафора переводит сухие экономические категории в драматичный регистр. Она не просто описывает ущерб, а создает образ целенаправленной агрессии, требующей ответа на том же языке – языке силы и обороны. Таким образом, официальный дискурс не просто информирует, а задает семантическое поле, в рамках которого будут действовать все остальные медиа.

На уровне телевизионных ток-шоу военная метафора трансформируется из инструмента легитимации в инструмент прямой эмоциональной мобилизации массовой аудитории. Здесь на первый план выходит не обоснование, а возбуждение, используется лексика прямого действия («собрать силы в кулак», «ударить по врагу») призвана генерировать аффективную реакцию: гнев, сплоченность, готовность к жертве. Она обращается не к рациональному анализу, а к древним инстинктам борьбы. Риторика ведущих строится на постоянном подержании высокого эмоционального тона, где метафора служит катализатором.

Метафора «войны» идеально подходит для этого, так как по своей природе делит мир на две непримиримые части. Это когнитивное упрощение делает сложные геополитические процессы понятными для широкой аудитории, предлагая легкий для усвоения шаблон восприятия реальности. Перенос метафоры на «санкционный фронт» или «битву за умы» расширяет зону конфликта, делая его перманентным и универсальным.

Ключевой вывод заключается в том, что прагматический эффект военной метафоры достигается именно за счет ее системного, синергетического использования на всех уровнях. Официальный дискурс задает легитимную рамку, телевидение эмоционально заряжает и упрощает ее для миллионов, а блогосфера обеспечивает чувство личной причастности и обратную связь.

Таким образом, военная метафора в российском медиапространстве – это не просто набор слов, а глубинная структура, формирующая коллективное сознание. Она превращает сложную, многогранную реальность в единый нарратив перманентной борьбы и является эффективным инструментом прагматического воздействия, целью которого является не информирование, а тотальная мобилизация публичного пространства.

Во франкоязычном медиадискурсе, посвященном украинскому конфликту, военная метафора используется не столько для описания боевых действий, сколько для построения мощного идеологического нарратива. Ключевые лексемы, такие как «invasion» (вторжение), «aggression» (агрессия) и глагол «viser» (целиться), выполняют ряд четких прагматических задач, формируя у аудитории однозначную картину происходящего и легитимируя политику западных стран.

Использование терминов «invasion» и «aggression» с самого начала задает правовую и моральную рамку события. Эти слова не являются нейтральными описаниями военного конфликта; они несут мощную оценочную нагрузку, прямо указывая на агрессора и жертву, что автоматически активизирует в сознании читателя, воспитанного в традициях европейского права, осуждение военной агрессии как преступления против международного порядка.

Метафора «viser» (целиться), как в примере из «Le Figaro» – «*Kharkiv... de nouveau dans le viseur de l'armée russe*» [11] – выполняет более тонкую, но не менее важную функцию. Она персонифицирует угрозу, представляя город не просто объектом военных действий, а живой мишенью, на которую направлено оружие конкретного субъекта – «армии России», что усиливает эмоциональное восприятие, вызывая чувство незащищенности и сострадания. Кроме того, глагол «целиться» намекает на хладнокровный расчет, намерение причинить вред, рисуя картину целенаправленного и осознанного уничтожения.

На основе подобной семантической базы решается ряд ключевых прагматических задач:

1. Демонизация России, а именно представление России как «агрессора» и «оккупанта» последовательно лишает ее действия каких-либо оправданий или сложных причинно-следственных связей. Ее образ конструируется как иррациональная разрушительная сила, угрожающая основам европейской безопасности и либерально-демократическим ценностям. Это не просто политический оппонент, а «варвар» и «угнетатель»: «*Frappes russes sur Kiev: Emmanuel Macron dénonce la «terreur» et la «barbarie» de la Russie*» [9], действия которого в рамках данного нарратива можно представить как «кровавую бойню»: «...le président ukrainien a dénoncé les nouvelles attaques russes à Kiev, qu'il qualifie de «*massacre de civils horrible et délibéré*» [9].
2. Гуманитаризация Украины, которая, в противовес, изображается как коллективная жертва-герой. Акцент в репортажах делается на страданиях гражданского населения («женщины, дети, старики»), разрушении городов как центров культуры и истории, а также на мужестве вооруженных сил и простых людей. Такие приемы создают мощный эмоциональный резонанс, превращая далекую войну в личную моральную проблему для европейского читателя.
3. Мобилизация поддержки и легитимация действий Запада: этот бинарный конструкт («агрессор» vs «жертва-герой») напрямую ведет к мобилизации общественного мнения. Требования санкций, военной и финансовой помощи Украине представляются не как геополитический выбор, а как моральный императив. Легитимация этих действий часто усиливается через исторические аналогии (сравнение с сопротивлением нацизму), что создает ощущение «исторической правоты» и долга перед прошлым. Борьба Украины риторически отождествляется с борьбой за общеевропейские ценности – свободу, суверенитет, демократию. Таким образом, поддержка Киева становится синонимом защиты собственного образа жизни.

Сравнивая российский и западный медиадискурс, необходимо отметить, что первый ориентирован на внутреннюю легитимацию и мобилизацию через образы защиты и героизма, в то время как второй – на делегитимацию России, персонализацию конфликта и мобилизацию международной поддержки. Военная метафора же выступает универсальным, но идеологически контекстуализированным инструментом политической коммуникации.

Выводы

Военная метафора является ключевым инструментом формирования медиадискурса о конфликте на Украине, выполняющим важные когнитивные и прагматические функции. Она способствует легитимации, мобилизации и формированию идейного противостояния. Анализ показывает значительные различия в российских и западных медиадискурсах, отражающих глубинные политические и идеологические противоречия современного мира.

1. Военная метафора в медиадискурсе структурирует восприятие конфликта, облегчая понимание и формируя эмоциональное отношение.
2. Российские СМИ используют метафоры для внутренней консолидации и героизации, западные – для делегитимации России и мобилизации поддержки Украины.
3. Расширение военной метафоры на экономику и культуру создает образ тотальной мобилизации общества.
4. Понимание механизмов воздействия медиадискурса важно для разработки стратегий коммуникаций и противодействия манипуляциям.

Список литературы

1. *Бобылев С.* Песков назвал санкции ЕС против РФ обоюдоострым оружием. – URL: <https://tass.ru/politika/22991111>
2. *Дмитрий Песков:* стоимость антироссийских санкций для жителей стран Запада будет увеличиваться каждый день. – URL: <https://argumenti.ru/economics/2022/05/770485>
3. *Дубровская А.* Песков разграничил понятия «СВО» и «войны» вокруг России. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/24/26800736.shtml>
4. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 296 с.
5. *Метцель М.* Кремль знает заказчика теракта в отношении Кириллова. – URL: <https://tass.ru/politika/22702249>
6. *Дж.Р. Серль.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.
7. *Чудинов А.П., Будаев Э.В.* Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore> (дата обращения 28.09.2025).
8. *Штурма Я, Бойков С., Леонова Ю.* Война с гражданскими: боевики ВСУ вновь обстреляли Белгород западным оружием. – URL: <https://iz.ru/1695346/iana-shturma-semen-boikov-iuliia-leonova/zdes-tolko-zhilye-doma-detsad-i-bassein>
9. *Frappes russes sur Kiev: Emmanuel Macron dénonce la «terreur» et la «barbarie» de la Russie.* – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-huit-morts-a-kiev-apres-des-frappes-russes-annonce-zelensky-20250828>
10. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; London, 1980. P. 2–247.
11. *Marchaud Clara.* Kharkiv, la deuxième ville d'Ukraine, de nouveau dans le viseur de l'armée russe: le récit de l'envoyée spéciale du Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/kharkiv-la-deuxieme-ville-d-ukraine-de-nouveau-dans-le-viseur-de-l-armee-russe-le-recit-de-l-envoyee-speciale-du-figaro-20240407>

References

1. *Bobylev S.* Peskov called the EU sanctions against Russia a double-edged weapon. – URL: <https://tass.ru/politika/22991111>
2. *Dmitry Peskov:* the cost of anti-Russian sanctions for residents of Western countries will increase every day. – URL: <https://argumenti.ru/economics/2022/05/770485>
3. *Dubrovskaya A.* Peskov distinguished the concepts of “freedom” and “war” around Russia. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/24/26800736.shtml>
4. *Maslova V.A.* Introduction to cognitive linguistics: Textbook. M.: Flinta; Nauka, 2004. 296 p.
5. *Metzel M.* The Kremlin knows the customer of the terrorist attack against Kirillov. – URL: <https://tass.ru/politika/22702249>
6. *J..R. Searle.* What is a speech act? // New in foreign linguistics. Moscow, 1986. Vol. 17. P. 151-169.
7. *Chudinov A.P., Budaev E.V.* Formation and evolution of the cognitive approach to metaphor // New Philological Bulletin. 2007. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore> (accessed 09/28/2025).
8. *Sturma Ya, Boikov S., Leonova Yu.* The war with civilians: the Ukrainian Armed Forces militants again shelled Belgorod with Western weapons. – URL: <https://iz.ru/1695346/iana-shturma-semen-boikov-iuliia-leonova/zdes-tolko-zhilye-doma-detsad-i-bassein>

9. Frappes russes sur Kiev: Emmanuel Macron dénonce la «terreur» et la «barbarie» de la Russie. – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-huit-morts-a-kiev-apres-des-frappes-russes-annonce-zelensky-20250828>
10. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; London, 1980. P. 2–247.
11. *Marchaud Clara.* Kharkiv, la deuxième ville d'Ukraine, de nouveau dans le viseur de l'armée russe: le récit de l'envoyée spéciale du Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/kharkiv-la-deuxieme-ville-d-ukraine-de-nouveau-dans-le-viseur-de-l-armee-russe-le-recit-de-l-envoyee-speciale-du-figaro-20240407>

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 11.10.2026; принята к публикации 13.11.2026.
The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 11.10.2026; accepted for publication 13.11.2026.